

Хроника философской литературы въ русскихъ журналахъ.

При скромныхъ размѣрахъ нашего изданія и рѣчи быть не можетъ не только обѣ обозрѣніи, но даже и о простомъ *перечинѣ* произведеній философской литературы въ Европѣ. Но мы считаемъ для себя возможнымъ сдѣлать указанія обѣ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи въ русской литературѣ. При этомъ мы предполагаемъ сдѣлать эти указанія подъ двумя рубриками порознь: о книгахъ и брошюрахъ, выходящихъ отдельно, и о статьяхъ, напечатанныхъ въ различныхъ русскихъ журналахъ. Что касается до этихъ послѣднихъ, то мы будемъ принимать во вниманіе не всѣ существующіе русскіе журналы, а только нѣкоторые, распространенные въ большинствѣ публики; а какіе именно, это читатель увидить самъ. Хронику статей въ журналахъ мы не думаемъ ограничить однимъ голымъ ихъ перечнемъ или очень краткими замѣчаніями; но на нѣкоторыхъ предполагаемъ болѣе или менѣе останавливающіеся. Мотивы этихъ остановокъ могутъ быть разнообразные, но всегда будутъ имѣть значеніе въ *направленіи* какой либо изъ трехъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ цѣль нашего изданія и о которыхъ сказано выше. Хронику нашу начнемъ за 1885 годъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ январьской книжкѣ помѣщена статья Г. Сентъ-Илера по педагогикѣ, стоящей, какъ известно, въ тѣсной связи съ одной изъ философскихъ наукъ, психологіей: „*Ручной трудъ, какъ общеобразовательный предметъ обученія*“. Въ статьѣ рѣчь идетъ о „ручномъ трудѣ“ въ школахъ не съ утилитарной точки зрѣнія (какъ о ремеслѣ), но какъ о педагогическомъ, воспитательномъ средствѣ.

Въ мартаѣской книжкѣ помѣщена статья г. Радлова: „*О направленияхъ въ психологіи*“. Статья представляетъ рецензію книги Г. Грота:

„Къ вопросу о реформѣ логики“, и заключаетъ двѣ части: общее введеніе и собственно рецензію. Въ введеніи авторъ рассматриваетъ различные направленія въ психології на основаніи различій въ воззрѣнняхъ на ея предметъ, методъ и отношеніе къ другимъ наукамъ. Здѣсь мы отмѣтимъ съ сочувствіемъ, что авторъ отстаиваетъ право на существование метафизической или умозрительной психології на ряду съ эмпірической и считаетъ плодотворнымъ для этой науки вообще соединеніе эмпіриі съ спекуляціей. Что касается до рецензіи, то мы находимъ, что она коротка какъ сравнительно съ введеніемъ, такъ и сравнительно съ притязаніями Г. Грота заново реформировать логику. Но эти краткія замѣчанія рецензії Г. Радлова, по нашему мнѣнію, вообще вѣрны.

Съ „Юльской книжки“ и до конца года начать переводъ сочиненія Декарта: „Discours de la methode“ (Разсужденіе о методѣ). Авторъ перевода, Г. Любимовъ, въ своемъ предисловіи мотивируетъ свой трудъ тѣмъ, что учение Декарта вообще далеко не утратило своего великаго значенія и для нашего времени, такъ какъ многіе важные вопросы современной науки не только имѣютъ свои корни въ картезіанізмѣ, но даже и рѣшаются въ его духѣ и направленіи и далѣе тѣмъ, что „Разсужденіе о методѣ“ представляетъ собою „родъ конспекта всей философіи Декарта“. Мы, съ своей стороны, находимъ этотъ мотивъ вполнѣ основательнымъ; но позволимъ себѣ указать еще и на другую потребность въ переводѣ сочиненій Декарта, а именно на потребность имѣть на русскомъ языкѣ творенія всѣхъ великихъ философовъ. Можно ли ожидать сколько нибудь нормального развитія русской философской мысли, когда русскіе любознательные люди, все менѣе и менѣе имѣющіе возможность хорошо владѣть иностранными языками, не могутъ познакомиться на родномъ языкѣ съ такими воспитателями всего человѣчества какъ Платонъ, Аристотель, Плотинъ, Бруно, Декартъ, Спиноза, Малебраншъ, Паскаль, Локкъ, Берклей, Юмъ, Ньютонъ, Лейбницъ, Кантъ, Фихте, Гегель, Гербартъ, Шопенгауэръ, и др., изъ сочиненій которыхъ существуетъ по русски или, въ большинствѣ случаевъ, только весьма малая часть, или обрывки, или же и совсѣмъ ничего? Если Г. Любимовъ, по видимому, не имѣющій намѣренія перевести другія сочиненія Декарта, переведеть только одно „Разсужденіе о методѣ“, то и за это мы, во имя распространенія философскаго знанія въ Россіи, должны сказать ему большое спасибо, ибо онъ подаетъ добрый примѣръ серьезнаго от-

ношеннія къ великому мыслителю. Переводъ снабженъ такими обширными и обстоятельными комментаріями, основанными главнымъ образомъ на поясненіи Декарта самимъ Декартомъ же (что особенно цѣнно), что дѣйствительно дасть возможность русскому читателю, по этому одному сочиненію, хорошо познакомиться съ цѣлымъ учениемъ Декарта. Со временемъ, когда этотъ трудъ Г. Любимова будетъ оконченъ, мы еще скажемъ о нѣмъ нѣсколько словъ.

Съ октябрьской книжки печатается продолженіе перевода Г. Радловымъ „Этики Аристотеля“, начатаго еще въ 1884 году. И объ этомъ переводѣ мы скажемъ по его окончаніи.

Русскій Вѣстникъ за 1885 годъ никакихъ статей по философіи въ себѣ не заключаетъ.

Вѣстникъ Европы. Въ майской и июньской книжкахъ этого журнала помѣщена статья Г. Боборыкина: „Этюды по психологіи творчества“. Статья эта состоитъ изъ двухъ весьма тѣсно слитыхъ элементовъ. Въ одномъ авторъ излагаетъ чужія сочиненія, а именно французскихъ ученыхъ: Cypio (Souriau „Théorie de l'invention 1881“), Сеайля (Seailles „Essai sur le génie dans l'art 1883“) и не много Прюдома (Oeuvres de Sully Prudhomme 1883“), въ другомъ онъ говоритъ отъ себя. Мы теперь не коснемся теоріи этихъ ученыхъ и замѣтимъ только, что, по нашему, выборъ и темы статьи, и писателей, по возбуждаемому ими живому интересу, сдѣланъ Г. Боборыкинымъ весьма удачно, и далѣе, что авторъ толково и ясно изложилъ возврѣнія выбранныхъ писателей. Мы теперь позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что говоритъ Г. Боборыкинъ „отъ себя“, при чемъ мимоходомъ заявимъ сожалѣніе, что онъ не пѣсть достаточно ясностію отдѣлилъ рѣчь: *отъ себя, отъ рѣчи: отъ другихъ;* отъ сліянія этихъ рѣчей можетъ произойти въ глазахъ однихъ читателей ущербъ для французскихъ писателей, въ глазахъ другихъ для самого автора. Относительно сказанного „отъ себя“ мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Во первыхъ г. Боборыкинъ особенно ударяетъ на то, что онъ „позитивный мыслитель“ что онъ „думаетъ не дилетантски“, а принадлежить къ „новой опытной школѣ“ и на основаніи ея точныхъ, научныхъ изслѣдований ставить вопросъ о творчествѣ на настоящую „психологическую почву“. Къ сожалѣнію, мы изъ объясненія г. Боборыкина не совсѣмъ понимаемъ, какая именно это школа. Въ введеніи къ из-

ложению Сурю и Сеайля, занимающемъ §§ I—V, Г. Боборыкинъ сперва иронически говорить о какихъ то намъ, къ сожалѣнію, не извѣстныхъ философахъ, которые „искали красоты сіяющей гдѣ то виѣ вещей и виѣ нась“, и вѣ противоположность имъ ставить „англійскихъ опытныхъ психологовъ, сводящихъ красоту къ потребности и способности ощущать прекрасное“ *). Но, по видимому, эти психологи не составляютъ искомую школу; не принадлежать къ ней, должно быть, „англичане и французы, занимавшіеся вопросомъ вѣ новое время“ ибо они „не нашли настоящей психо-фізіологической основы и настроили слишкомъ много клѣточекъ вѣ душѣ“, не спросившись „у науки, изслѣдующей человѣческій мозгъ“, сколько именно этихъ клѣточекъ **). Наконецъ г. Боборыкинъ указываетъ опять на новую (значитъ, уже самую новѣйшую) „опытную школу“ которая кромѣ „обыкновенной ассоціації идей“ признаетъ еще „творческую ассоціацію“. Крупными представителями этой школы авторъ считаетъ Спенсера, Льюиса, и особенно Бена, котораго онъ возводить вѣ санъ „самаго высокаго авторитета вѣ вопросахъ, составляющихъ предметъ статьи“. (См. № 5 стр. 182—185, 187). Недоразумѣніе наше состоить вѣ томъ, одну и ту же школу составляютъ Спенсеръ, Льюисъ и Бень съ вышеупомянутыми „англійскими опытными психологами“ и „англичанами, настроившими много клѣточекъ“, или разныя; далѣе вѣ томъ, что едва ли можно Спенсера, Льюиса и Бена считать самой новой школой, такъ какъ они пользуются извѣстностью лѣтъ уже 20, 25.

Но мы можемъ выйти изъ недоразумѣнія относительно школы косвеннымъ путемъ, а именно познакомившись съ тѣмъ, что разумѣеть г. Боборыкинъ подъ терминами: „позитивный мыслитель“, „научный“, или „точный изслѣдователь“. Напр., на стр. 592—3, и 603 (№ 5) мы читаемъ что „Сеайль, мыслитель съ метафизическимъ направленіемъ, придаетъ духу такую самобытность, какой не будетъ приписывать ему

*) Неужели же тѣ „философы искали красоты“ помимо „потребности и способности ощущать прекрасное“? спросимъ мы вѣ недоумѣніи.

**) Очевидно что грѣхъ этихъ „англичанъ и французовъ“, состоялъ только вѣ томъ, что они настроили слишкомъ много клѣточекъ, потому что вѣ другомъ мѣстѣ Г. Боборыкинъ признаетъ вполнѣ научнымъ изслѣдование психологическихъ вопросовъ путемъ построения и счета мозговыхъ клѣточекъ. Такъ на стр. 605—6 (№ 6) ipsissimis verbis сказано: „кто держится научныхъ воззрѣній, тотъ находить мыслимымъ, что образы и идеи суть мозговые элементы, микроскопическая ячейки“.

позитивный мыслитель“ или что „Сеайль болѣе метафизической поэтъ, чѣмъ научный изслѣдователь“, ибо думаетъ, что духъ своею самобытною жизнью „создаетъ красоту“, „организуетъ идеи“, или что Сеайль вообще „позволяетъ себѣ философскіе гипотезы, которыхъ бы не позволилъ себѣ изслѣдователь съ научнымъ пониманіемъ міра“. Если мы при соединимъ къ этому вышеприведенныя въ примѣчаніи слова, то выйдетъ, что *позитивный мыслитель или научный изслѣдователь* не допускаетъ самобытной жизни и творческой, организаторской дѣятельности духа+не позволяетъ себѣ діалектики и краснорѣчія+не позволяетъ себѣ ставить философскихъ гипотезъ+считаетъ возможнымъ посредствомъ счета и построенія мозговыхъ ячеекъ изслѣдовать психологические образы и идеи.

Но для полнаго уясненія понятія Г. Боборыкина „о позитивномъ мыслителѣ“ и о „точной научной психології“ необходимо еще привести нѣсколько его положеній, которыя, конечно, почерпнуты изъ находящихся въ его распоряженіи запасовъ точной науки. Такъ на стр. 184 *ipsissimis verbis* сказано: „писать статьи и даже стихотворенія, рисовать, чертить, играть на фортепіано, значить производить извѣстныя мозговыя операциі“; на стр. 186: „творческій процессъ происходитъ въ душѣ человѣка, въ его мозговомъ аппаратѣ“; на стр. 199, по поводу разсужденій Г. Боборыкина о наслѣдственности, читаемъ: „всякій талантъ, всякая способность на творчество предполагаетъ непремѣнно передачу мозговому организму извѣстныхъ предрасположеній, которыя, по всей вѣроятности, заключаются въ тѣхъ или иныхъ комбинаціяхъ мозгового вещества“; тамъ же сказано объ „идей или образѣ, являющемся въ мозгу“ и о томъ, что „рисовальщики могутъ вызывать у себя въ мозгу образы, фигуры“. На стр. 205 и 206 находимъ прямое утвержденіе что „творческій процессъ есть безсознательная церебрація, мозговая дѣятельность“ *). На стр. 205 сказано: „теперь уже дознано, что человѣкъ въ состояніи гипноза продѣлываетъ съ большой быстротой и послушаніемъ цѣлый рядъ дѣйствій, показывающихъ, что въ его мозгу возни-

*) Это утвержденіе противорѣчить тому, что „рисовальщики могутъ вызывать въ мозгу“; но это, должно быть, легкая обмоловка автора. По общему тону и духу его психології за точные выраженія нужно признать тѣ, гдѣ говорится о „являющихся въ мозгу образахъ, фигурахъ“.

каеть такой же рядъ яркихъ образовъ, представлений, чувствъ и волненій"; или еще: „несомнѣнно, что вся эта мозговая игра, въ состояніи гипноза, также наполняетъ его (т. е. мозгъ) и также опредѣленно и ярко, какъ и настоящія душевныя эмоціи во время бдѣнія". На стр. 209 и 508 (№ 6) сказано: „гипотеза охватываетъ мозгъ геніального ученаго", „вопросъ расшевеливаетъ мозгъ".

Понимать всѣ эти положенія въ какомъ либо метафизическомъ, или же иносказательномъ смыслѣ невозможно, ибо тогда все это было бы краснорѣчіемъ, реторикою и поэзіею, что свойственно мыслителямъ съ метафизическими направлениемъ: г. Боборыкинъ, какъ позитивный мыслитель, не позволить себѣ „краснорѣчія и поэзіи", а говорить языкомъ „точной науки". И такъ, мы понимаемъ все вышесказанное въ прямомъ смыслѣ и выводимъ слѣдующія заключенія. По учению точной науки, душа или духъ есть мозгъ, въ которомъ находятся и являются образы, представлениія, чувства и волненія; являются они вслѣдствіе безсознательной дѣятельности или игры, церебраціи мозга и суть ничто иное какъ элементы, ячейки мозга *).

Мы смѣло можемъ сказать, что ни въ какой школѣ и никто не наблюдалъ находящіяся въ мозгу образы, чувства и волненія, ихъ появление отъ его игры или церебраціи и передачу по наслѣдству мозговому организму и т. п. чудесь. А пока г. Боборыкинъ не откроетъ намъ этого секрета, мы будемъ коснѣть въ невѣжественномъ мнѣніи, что образы, чувства и волненія, какъ явленія психической. слѣдовательно, не материальныя, не только въ мозгу, но и вообще ни въ какомъ пространствѣ мѣста не имѣютъ, и что вся церебрація мозга состоитъ или въ химическомъ распаденіи и соединеніи различныхъ веществъ, составляющихъ мозгъ, или же въ механическомъ движеніи этихъ веществъ. Стоить только подумать о томъ, что если бы образы, чувства и волненія были въ мозгу, то они были бы относительно другъ друга направо, на лѣво, вверху, внизу, спереди, сзади, что бы понять всю чудовищность позитивныхъ утвержденій Г. Боборыкина. Но пока довольно. Съ научностью нашихъ „позитивныхъ мыслителей", намъ еще не разъ придется имѣть дѣло!

*) Пуризмъ г. Боборыкина относительно духа, ума, разума—этихъ „сдѣланыхъ сущностей" доходитъ до такой степени, что онъ думаетъ, что „даже самое слово духъ можетъ стѣснять читателя" (592).

Въ августовской и сентябрьской книжкахъ „В. Е.“ помещена статья г. Красносельского: „Пессимизмъ и прогрессъ“: Авторъ, если мы не ошибаемся, былъ побужденъ къ своей работѣ двумя соображеніями: 1) „пессимизмъ принципіально враждебенъ прогрессу“ (стр. 743), а между тѣмъ 2) „пессимистическое настроеніе“ въ разнообразнѣйшихъ его формахъ и „разновидностяхъ охватываетъ сотни тысячъ людей, цѣлъя общества и поколѣнія“ (708). Авторъ, конечно, изъ сочувствія къ угрожающему пессимизмомъ прогрессу, задался цѣлью „найти реальное объясненіе источниковъ пессимизма“, обнаружить его несостоятельность и дать просторъ прогрессу. Но найти „реальное объясненіе“, по видимому, не легко. Конечно, есть различные философы—пессимисты, которые много толкуютъ о пессимизме, Шопенгауэръ, Гартманъ, Майнлендеръ и т. п.; бѣда только въ томъ, что всѣ эти философы объясняютъ пессимизмъ съ точки зрењія своихъ метафизическихъ системъ. Но авторъ, конечно, мыслитель передовой, научный и не охотникъ до „метафизическихъ хитросплетеній“, очень мало остроумныхъ и ни въ какомъ отношеніи не интересныхъ, произвольныхъ, фантастичныхъ и стоящихъ въ противорѣчіи съ закономъ сохраненія силы, составляющемъ справедливую гордость физической науки“ (см. стр. 710, 715, 716, 102). Кажется, всего естественнѣе было бы почтенному автору искать „реального объясненія“ у передовыхъ представителей точной науки, но вышло не такъ. Правда, онъ на нѣсколькихъ страницахъ разсыпалъ много научныхъ словъ и имёнъ, а именно: „однородное, разнородное, однообразіе, разнообразіе, дифференцированье, интегрированье, эволюція, диссолюція, физика, физіология, Рибо, Геккель, Спенсеръ, (паки) Спенсеръ, (и паки) Спенсеръ“, но всетаки изъ этого жемчуга никакой *нити* для „реального объясненія“ не вышло. Въ такомъ затрудненіи авторъ нашелъ для себя удобнѣйшимъ все таки обратиться за „объясненіемъ“ къ тѣмъ же философамъ—пессимистамъ, но принявъ нѣкоторую замысловатую предосторожность, а именно, онъ отбросилъ всѣ ихъ „метафизическая хитросплетенія“. „Безъ метафизики“, по мнѣнію автора, „остается только сырой материалъ, блестящій и цѣнныій“, который и „можетъ пролить свѣтъ“ на „реальное значение пессимистического движенія“ (709, 710). Разумѣется этотъ материалъ „проливаетъ свѣтъ“ не самъ по себѣ, а при посредствѣ *обработки*, которой его подвергаетъ авторъ. Мы не будемъ здѣсь вести рѣчь объ этой обработ-

кѣ *) матеріала (взятоаго у Майнлендера, Шопенгауэра, Гартмана), ибо это завело бы насъ слишкомъ далеко, но скажемъ только о ея *результатѣ*. Онъ состоить въ томъ, что пессимистическое настроение происходит отъ того, что люди теряютъ энергию бороться за счастіе и жизнь въ слѣдствіе односторонняго развитія личности, ея силь и ея жизни. Отсюда авторъ заключаетъ къ слѣдующему рецепту отъ болѣзни пессимизма: „разностороннее развитіе, разносторонняя жизнь и дѣятельность; сохраненіе цѣльности при развитомъ сознаніи и внутренней энергіи при богатствѣ виѣшней жизни; возбужденіе живыхъ силъ“ (стр. 726, 122 и др.). Какъ понимать всѣ предписанія этого рецепта и далѣе можно ли его приложить къ современной жизни и, если можно, то какъ приложить?—на это, по нашему, авторъ не даетъ никакого отвѣта. Но, не смотря на то, статья г. Красносельского, главнымъ образомъ благодаря „сырому матеріалу“, вообще интересна.

Въ октябрьской книжѣ помѣщена статья г. Спасовича о послѣднемъ труда Кавелина: „Задачи этики“. Отношеніе г. Спасовича къ покойному преисполнено піэтета и самого дружественного расположенія: для него „знаменитый умершій есть поборникъ и искатель истины и былъ весьма крупнымъ и могучимъ дѣятелемъ въ умственной жизни Россіи съ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ XIX в.“ (717, 718, 756). Для насъ статья г. Спасовича вмѣстѣ съ другой статьей, о которой рѣчь будетъ ниже, интересна въ томъ отношеніи, что служить по-водомъ и даже какъ бы основаніемъ высказать наше мнѣніе о Кавелинѣ, какъ философѣ. Хотя и говорятъ: „de mortuis aut bene, aut nihil“, но Кавелинъ былъ на столько выдающійся въ общественной жизни человѣкъ, что къ нему эта поговорка не приложима. Но послушаемъ сперва, что говорить о нѣмъ несомнѣнныи его почитатель, г. Спасовичъ. Однако для надлежащаго освѣщенія оцѣнки Кавелина г. Спасовичемъ нужно сдѣлать маленькую характеристику его самого. Г. Спасовичъ также принадлежитъ къ тому направлению мысли, которое преимущественно въ нашемъ отечествѣ присвоило себѣ титулъ передового и научнаго: онъ считаетъ „философію уже падшою“ и свободенъ отъ

*) Въ ней, если не ошибаемся, отражается вліяніе точки зреїнія Дюринга на пессимизмъ, какъ она высказана имъ главнымъ образомъ въ его сочиненіяхъ: „Cursus der Philosophie“ и „Werth des Lebens“. (См. наше изложеніе системы Дюринга: „Философія дѣйствительности. Кіевъ. 1878“).

вопроса о свободѣ воли „этой отрыжки средневѣковой схоластики“; онъ послѣдователь Бена, Спенсера, индуктивной системы и считаетъ „большою заслугою Канта и позитивистовъ, что они прогнали всѣ абсолюты изъ индуктивной науки“ и т. под (724, 726, 730). „Исполняя завѣщаніе“ Кавелина, разобрать: „Задачи этики“, г. Спасовичъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Кавелина и его трудъ.

„Нельзя сказать, чтобы опредѣленіе этики у Кавелина было ясное и точное“, „основанія этики не поставлены Кавелинъ на настоящей научной почвѣ, не доказаны и висятъ на воздухѣ“, „психо-физиологическими вопросами Кавелинъ не занимался; онъ не эволюціонистъ, онъ располагаетъ только стариннымъ методомъ самонаблюденія, но онъ не занимается также ни выводомъ, ни опроверженіемъ идеи долга и его санкціи“—говорить г. Спасовичъ на стр. 718—721. Но оказывается, что, по г. Спасовичу, Кавелинъ и „стариннымъ-то методомъ располагалъ“ плохо, ибо на стр. 722 г. Спасовичъ поучаетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „какъ психологъ старого покроя, Кавелинъ долженъ бы изучить идею добра подъ микроскопомъ абстракціи или созерцанія, дать ея формулу, какъ то дѣлали бывшіе метафизики, и развить потомъ эту идею путемъ дедукції. Онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ, но онъ не слѣдуетъ и за эволюціонистами, не пытается искать корешковъ этики въ біологии, не слѣдить за зарожденіемъ нравственныхъ понятій, за ихъ развитиемъ въ настоящемъ и не заключаетъ о ихъ будущемъ“. Далѣе на стр. 723 читаемъ: „разсуждая о психологіи и обѣ этикѣ, Кавелинъ не отвергъ этикѣ подобающаго ей мѣста въ системѣ знаній и не установилъ ея отношенія къ психологіи, что ведетъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и сбивчивости въ выводахъ“. Кавелинъ, по г. Спасовичу, въ сущности, метафизикъ, мнящій, что онъ стоитъ на почвѣ опытной индукції“ (730); и „строеніе „Задачъ этики“ имѣть мало общаго съ опытной психологіей“ (стр. 735). Что касается до философской эрудиціи Кавелина, то, по г. Спасовичу, онъ былъ незнакомъ „съ новѣйшей плеядой французскихъ психологовъ и моралистовъ, въ числѣ которыхъ блистаетъ и Фулье“ (734); далѣе г. Спасовичъ находитъ „неточнымъ то, что говоритъ Кавелинъ о новѣйшей англійской; не точны его замѣчанія и о нѣмецкой школѣ“ (734).

Такъ какъ ниже намъ понадобится мнѣніе г. Спасовича о Кавелинѣ, то мы его выразимъ теперь въ слѣдующемъ краткомъ resumé:

Кавелинъ, по г. Спасовичу, не даетъ яснаго и точнаго определенія (=не имѣеть никакого определенного и выработанного понятія *) этики (=о главномъ понятіи цѣлого своего сочиненія), не умѣеть приложить къ обработкѣ своего предмета ни старого, ни новаго, т. е., ни одного изъ употребляемыхъ для того методовъ (=не имѣеть понятіе объ исторіи изслѣдованія предмета, о которомъ пишетъ), не устанавливаетъ ни мѣста психологіи и этики въ системѣ знаній, ни ихъ взаимныхъ отношеній (=не имѣеть яснаго понятія о наукахъ, о которыхъ постоянно пишетъ), мнить себя индуктивистомъ и эмпирікомъ тогда, какъ онъ метафизикъ (=имѣеть спутанныя понятія о своей собственной дѣятельности или самъ себя не понимаетъ, или, выражаясь *научными* терминами г. Боборыкина, не имѣеть „въ мозгу“ особыхъ специальныхъ „ячеекъ“, въ которыхъ помѣщались бы идеи метафизики, индукціи и эмпіріи), не знакомъ ни съ французской, ни съ англійской, ни съ нѣмецкой психологическими школами (=не выполнилъ первого и необходимаго условія для всякой *ученої* работы, т. е., знакомства съ работами современныхъ ученыхъ).

Этимъ мы и закончимъ обзоръніе статьи г. Спасовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Вѣстника Европы“ за 1885 г.

Русская мысль. Въ январьской и февральской помѣщена обстоятельная статья г. Герье: „Ученіе о нравственности и соціальная утопія Мабли“, философа 18 вѣка.

Въ апрельской книжкѣ помѣщена небольшая статья г. Гольцева о сочиненіяхъ Кавелина: „Задачи этики“ и французского философа Guyau: „Esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction“. Въ статьѣ излагается сущность обоихъ сочиненій.

Въ майской книжкѣ, въ бібліографическомъ отдѣлѣ „Р. М.“ помѣщены замѣтки: о новомъ изданіи „Исторіи философіи въ жизнеописаніяхъ. Льюиса Птб. 1885 **); о книгѣ Ebbinghaus'a, „Ueber das Gedächtniss, Leipzig. 1885“ (сочиненіе представляетъ попытку измѣренія явленій памяти); и книгѣ Ribot, „Les maladies de la personalité“ (сочиненіе по направленію и методу сходное съ переведенными на русскій языкъ: „Болѣзни памяти“, „Болѣзни воли“ того же автора).

*) Въ скобкахъ помѣщается наше толкованіе.

**) Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ мы надѣемся, съ своей стороны, помѣстить замѣтку объ этой книгѣ.

Въ іюньской книжкѣ помѣщена статья Н. П. А. „Общественная собственность и демократія“, представляющая сжатое изложеніе книги извѣстнаго французскаго философа Фулье: „La propriét  sociale et la démocratie. Paris 1884“. О Фулье мы надѣемся со временемъ специально высказать наше мнѣніе; что же касается до изложенія его книги г-мъ Н. П. А., то, не смотря на его сжатость, оно сдѣлано весьма искусно и даетъ ясное понятіе о сущности сочиненія Фулье.

Въ ноябрьской книжкѣ помѣщена статья профессора Троицкаго о Кавелинѣ, или „Страница изъ исторіи философіи въ Россіи“. О принадлежности почтеннаго профессора Московскаго университета къ вышеозначеному научному и передовому направлению въ философіи распространяться нечего; она извѣстна всей интеллигентной Россіи со времени появленія знаменитой „Нѣмецкой психологіи“. Онъ также, какъ и г. Спасовичъ, высоко ставить значеніе философской дѣятельности Кавелина: для него Кавелинъ „неизгладимыи буквами вписалъ свое имя на страницахъ исторіи философіи въ Россіи“; „философскія его работы не остались безъ вліянія на исторію развитія русской мысли въ послѣднія десятилѣтія“. Но обратимся къ частной характеристикѣ сочиненій Кавелина, которую дѣлаетъ г. Троицкій. По его мнѣнію, Кавелинъ, когда еще въ первый разъ написалъ свои „Задачи психологіи“, т. е., „въ концѣ 60-хъ годовъ онъ не ясно различалъ границы положительной науки о душѣ и метафизики души“ (175) *) и положилъ въ основу своего труда возврѣнія Бенеке (по г. Троицкому, имѣвшаго вліяніе въ Россіи въ 50-хъ годахъ) и отрыжки отъ гегельянства (которымъ Кавелинъ увлекался въ 40-хъ годахъ). Позже, по разсказу г. Троицкаго, Кавелинъ увлекся „народившимся въ Россіи новымъ, положительнымъ или позитивнымъ направлениемъ“ **) (но не „въ смыслѣ Конта“, а въ

*) Что было бы весьма легко, замѣтимъ мы, различить человѣку, который хоть сколько нибудь слѣдилъ бы за наукой, о которой онъ пишетъ большой трактатъ, ибо въ концѣ 60-хъ годовъ уже давно существовали труды Конта, Литтре, Тэна, Милля, Спенсера, Бена и наконецъ даже („Нѣмецкая Психологія Москва. 1867“) самого г. Троицкаго, изъ которыхъ можно было отлично узнать объ этой границѣ. Впрочемъ, человѣку, знакомому съ исторіей философіи, уже съ Юма эта граница должна быть вполнѣ ясною.

**) Здѣсь позволяемъ себя поставить весьма важную гипотезу, которой можетъ быть посчастливится составить дополненіе къ „Страницѣ изъ исторіи фило-

смыслъ, изложенномъ на стр. 173-й, но тѣмъ не менѣе въ уже напечатанныхъ имъ въ 1872 году „Задачахъ психологіи“, какъ свидѣтельствуетъ г. Троицкій, „не смотря на термины: положительная наука, положительное изслѣдованіе, методъ обработки психологіи совсѣмъ не положительный, а спекулятивный, метафизической“ (172). По остроумному выражению того же повѣствователя, Кавелинъ предпринялъ задачу „освободить психологію отъ метафизики посредствомъ введенія въ нее новой метафизики“. Разсказывая о полемикѣ Кавелина съ г. Сѣченовымъ и Самариномъ, г. Троицкій свидѣтельствуетъ, что г. Сѣченовъ въ „существенномъ преодолѣль“; что же касается до спора съ Самариномъ, то г. Троицкій какъ бы становится на сторону Кавелина, но все-таки сознается, что Кавелинъ долженъ быть отказатьться отъ *нелѣпой* (по нашему) мысли, что „основа души материальна“ (*). Далѣе г. Троицкій упоминаетъ, какъ Кавелинъ разшаркнулся (наше выраженіе) передъ научностью его „Нѣмецкой психологіи“, хотя жалуется, что бездоказательно упрекнулъ его (г. Троицкаго) „за несправедливое отношение къ нѣмецкимъ философамъ и пристрастное къ английскімъ“ (**). Затѣмъ г. Троицкій переходитъ къ „Задачамъ этики“ и свидѣтельствуетъ, что „Кавелинъ достигъ того, къ чему стремился всю жизнь—къ единству, цѣльности своихъ философскихъ взглядовъ на почвѣ строгой научности“ (193). Наконецъ это стремленіе завершилось, по г. Троицкому, „постепенною переработкою Кавелина изъ метафизика

софіи въ Россії“, начертанной г. Троицкимъ, а именно *гипотезу*, что Кавелинъ увлекся новымъ научнымъ направленіемъ какъ разъ по „Нѣмецкой психологіи“ самого г. Троицкаго.

*) Мы съ своей стороны также замѣтимъ, что г. Сѣченовъ дѣйствительно „преодолѣль“, хотя не вслѣдствіи полной истины его взгляда, но вслѣдствіи его опредѣленности, послѣдовательности и даже нѣкоторой условной истины. Что же касается до Самарина, то онъ выставилъ противъ Кавелина несокрушимое оружіе въ формулѣ, подъ которой мы охотно подписываемся: „позитивизмъ, какъ бы онъ ни отрещивался отъ материализма, несетъ его въ себѣ à l'etat latent“. Намъ, всегда искренно уважавшимъ Кавелина, какъ человѣка, было просто *горько* смотрѣть, какъ съ своею *мнимою научностью* онъ изворачивался только фразами подъ ударами своихъ противниковъ.

**) Ничего нѣть удивительного, что упрекъ былъ бездоказательенъ, ибо для доказательности его нужно было, по меньшей мѣрѣ, хорошее знакомство хотя бы съ одной изъ этихъ философій, чего у Кавелина не было.

сороковыхъ годовъ въ современаго положительнаго мыслителя" (194). Переработанный Кавелинъ, по свидѣтельству его историка, отрекся отъ „прирожденной способности сознанія“ *), уступилъ и свободу воли и призналъ „механическую роковую причинность борьбы мотивовъ“, такъ что даже для г. Троицкаго въ этомъ отношеніи „впалъ въ крайность“ (193).

Но однако патентъ на „строгую научность и на положительнаго мыслителя“ выданный г. Троицкимъ Кавелину оказывается, къ крайнему нашему удивленію, сомнительнымъ. Вслѣдствіе этого стоянія „на почвѣ строгой научности“ психологія Кавелина, повѣствуетъ опять таки г. Троицкій, „утратила много оригинальности“ и „не отличается ни ясностью, ни новизною и далеко не отвѣчаетъ современнымъ успѣхамъ психології“. Припоминая и присоединяя къ этому заключенію вышеизложенную оцѣнку г. Спасовича, мы только можемъ пожалѣть о томъ злосчастномъ моментѣ, въ который Кавелинъ вступилъ впервые на „научную почву“, приведшую его къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Что же скажемъ мы отъ себя о Кавелинѣ, какъ философѣ? Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ убавить изъ оцѣнки и заключеній, сдѣланныхъ его поклонниками; прибавить же можемъ развѣ то, что мы рѣшительно не допускаемъ причисленія Кавелина къ рядамъ метафизиковъ и всецѣло отдаляемъ его „научнымъ и позитивнымъ мыслителямъ“.

Мы, не принадлежа къ поклонникамъ Кавелина, тѣмъ не менѣе чтимъ въ немъ честнаго, направленнаго ко всему хорошему человѣка, и признаемъ его талантливость, остроуміе, трудолюбіе, обширное образованіе и специальная познанія въ области наукъ общественныхъ и историческихъ. Но мы не придаемъ никакого значенія его трудамъ по философскимъ наукамъ и считаемъ ихъ *своевѣмъ* неудачными. Главную причину неудачи видимъ въ томъ, что, по выраженію, кажется, г. Троицкаго, онъ философіей занимался „между дѣломъ“... Но *requiescat in*

*) Принимая въ соображеніе господствовавшую у Кавелина путаницу терминовъ, должно быть, подъ этой способностью нужно разумѣть самосознаніе или сознаніе своего я.

расе, а мы, чтя его память, будемъ ждать, что бы кто либо изъ его многочисленныхъ поклонниковъ, знакомыхъ съ его дѣятельностью въ другой (не философской) научной области, написалъ намъ дѣйствительно хорошую страницу объ этой дѣятельности.

„Хронику“ остальныхъ журналовъ мы отложимъ до слѣдующаго номера.